

СМѢСЬ.

СОГДЕНСКІЯ СКАЛЫ

и

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА

ВЪ ГОРАХЪ АБХАЗІИ.

При настоящемъ и общемъ вниманіи, обращаемомъ учеными и писателями на Кавказъ и его обитателей, здѣшніе евреи остаются ими совершенно забытыми. Между тѣмъ ихъ жизнь, нравы, обычаи и то положеніе, которое они занимаютъ между горцами, заключаютъ въ себѣ много интереснаго, такъ сильно отличающаго ихъ отъ всѣхъ собратіи по вѣрѣ. Число ихъ въ горахъ Кавказа опредѣлить весьма трудно. Известно только то, что самая большая часть населяетъ горы Осетіи, Абхазіи и Тушетіи. Осетинскіе евреи, всѣ безъ исключенія, принадлежатъ къ сектѣ Ури. Они не имѣютъ никакого понятія о Библии и Талмудѣ и ведутъ жизнь подобную своимъ сосѣдямъ Осетинамъ. Напротивъ того, абхазскіе евреи, принявъ характеръ, нѣкоторые нравы и обычаи горцевъ, рѣзко отличаются отъ туземцевъ и осетинскихъ уристовъ, своими наклонностями, нравственною чистотою, стремленіемъ къ спокойной и осѣдлой жизни. Я намѣренъ говорить здѣсь исключительно объ *еврейской общинѣ*, встрѣченной мною во время плѣна, въ горахъ Абхазіи...

Обращаясь на Востокъ, находимъ одну изъ сектъ еврейской вѣры, которая, повидимому, чрезъ нѣсколько вѣковъ сохранила во всей чистотѣ основу своей религіи. Это — *караимы* или *караимы*. Въ Россіи ихъ

можно встрѣчать частію въ херсонской губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крыма. За свою промышленность, честность и гостепріимство они уважаются всѣми; одежда ихъ проста и пища умеренна, наслажденій жизни и удовольствій ищутъ они въ кругу своей семьи. Раввины вообще ненавидятъ ихъ и обвиняютъ въ расколахъ, но все отступленіе караимовъ заключается только въ томъ, что они строго хранятъ законъ древній Еврейскій, отвергая всѣ прибавки и объясненія Талмуда. Будучи строгой нравственности, они допускаютъ разводъ только въ случаѣ уличенія жены, между тѣмъ, какъ по мнѣнію раввиновъ, развестись съ женою зависитъ отъ воли и прихоти мужа. Ихъ ученые законовѣдцы на нравственные тексты говорятъ проповѣди каждую субботу, что раввины исполняютъ только дважды въ годъ.

Есть много сказокъ о происхожденіи караимовъ; достовѣрно, впрочемъ, только то, что они водворились въ Крыму въ концѣ XII столѣтія, гдѣ и получили отъ Хана нѣкоторыя привилегіи. Они основали тамъ городъ Бахчисарай и крѣпость или замокъ на скалахъ Джугуръ-Кае, живописнымъ мѣстоположеніемъ котораго плѣняются всѣ путешественники. Здѣсь, на кладбищѣ, видна гробница съ надписью отъ 1238 года. Въ настоящее время въ Бахчисарай встрѣчается весьма немного караимовъ; всѣ они почти ремесленники или земледѣльцы. Караимы вообще права простаго и тихаго; и строго хранятъ религію предковъ. По замѣчанію одного христіанскаго автора, въ продолженіе 400 лѣтъ не было между ними уголовныхъ преступленій. Они, повидимому, не имѣютъ никакого понятія о софизмахъ, приводимыхъ раввинами въ своихъ спорахъ религіи.

Вольфъ, одинъ изъ лепантскихъ миссіонеровъ, во время своихъ религіозныхъ путешествій узналъ, что колонія караимовъ находится въ степи Гать, въ разстояніи трехдневнаго пути отъ Багдада, и посѣтилъ ее. Вотъ что узналъ онъ о происхожденіи этой секты.

Во время плѣненія Вавилонскаго, нѣкоторые евреи, преданные закону Моисея, замѣчая, что братья ихъ измѣнили чистотѣ его примѣсю ложнаго ученія, отдѣлились отъ нихъ и составили секту, которая и получила названіе караимовъ (*раскольниковъ*). По возвращеніи изъ плѣна, караимы, избѣгая насмѣшекъ, обидъ и притѣсненій отъ своихъ собратьевъ, оставили ихъ и поселились въ степи, гдѣ Вольфъ и встрѣтилъ ихъ потомковъ. Они ведутъ жизнь кочевую; сосѣди отдаютъ имъ справедливость въ чистотѣ нравовъ и опрятности.

Въ послѣднемъ отношеніи тоже самое можно сказать и объ еврейской общинѣ, населяющей вершины абхазскихъ скалъ. Евреи, составляющіе эту общину, считаютъ себя потомками крымскихъ караимовъ, которые переселились въ концѣ XVI столѣтія изъ Крыма въ Фанагорію и разсѣялись въ послѣдствіи между племенами закубанскихъ горцевъ. Трудно указать причину, заставившую крымскихъ караимовъ бросить родину, промѣнять осыдлую жизнь на жалкое скитальчество между дикарями Кавказа, гдѣ каждое зерно пшеницы, каждый клочъ бараньей шерсти и кусокъ шашлыка надо добывать съ кинжала, по неизмѣнному обычаю и правилу туземцевъ; гдѣ честный трудъ и ре-

мессо ничто предъ отчаянною удачею джигита и ремесломъ наѣзника... Дѣятельные, честные, мирные, всегда готовые на услугу, караймы, не могли накликать на себя нелюбовь, ненависть или преслѣдованіе Крымцевъ; напротивъ, какъ я уже сказалъ, самые ханы крымскіе дарили ихъ привилегіями, поощряя къ труду и ремесламъ, которые приносили, быть-можетъ, огромную пользу странѣ и народу, вѣчно занятому войною и наѣздами, народу, рѣдко бросающему мечъ для сохи... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что переселеніе караймовъ было добровольное... Быть-можетъ эти несчастные выходцы составляли жалкую толпу аргонавтовъ, думавшихъ въ скалахъ и тущобахъ сѣверо-восточнаго Кавказа обрести новую Колхиду и новое неизсѣкаемое руно, думавшихъ продать дикарямъ свои ремесла и знанія на вѣсъ золота... Въ первое время переселенія караймы были съ восторгомъ встрѣчены Закубанцами. Горцы обняли ихъ, какъ братіи. Они видѣли въ нихъ средство сберечь и кровь свою и дѣтей своихъ, которыхъ часто приходилось мѣнять на патронъ пороку или узорчатую насѣчку на кинжалѣ... Закубанцы встрѣтили въ караймахъ опытныхъ оружейниковъ, кузнецовъ, сѣдельниковъ и отличныхъ знатоковъ въ выдѣлкѣ пороку, словомъ все, въ чемъ они такъ нуждались, что составляетъ по роду ихъ жизни важную и необходимую потребность, для чего съ вершинъ далекихъ и неприступныхъ скалъ они должны были спускаться къ мелкимъ бухтамъ и заливамъ Чернаго Моря, гдѣ на свинцовую цѣлю отцы часто мѣняли дѣтей, а ловкіе хищники—красивыхъ горянокъ. Дробясь семействами, утрачивая свою общую силу и переходя изъ аула въ другой, или углубляясь въ горы, пришельцы скоро и невольно должны были подчиниться прихотямъ и несправедливостямъ горцевъ. Въ горахъ право сильного и между туземцами служить закономъ, а надъ пришельцами это былъ законъ непреложный. Едва только разединившіеся караймы оставили плоскость и вступили на скалы, какъ изъ гостей они сдѣлались рабами. Горцы сторожили ихъ въ ущельяхъ, завалахъ и перелѣскахъ, арканили какъ звѣрей, уводя въ страшное и тяжелое рабство. Хищникъ, бросая въ грязную яму свою жертву, не спрашивалъ плѣнника по принятому обычаю: «знаешь ли какое-нибудь ремесло?» онъ говорилъ: «дѣлай!»

Такимъ образомъ жалкіе скитальцы становились мучениками своего ремесла и подъ присмотромъ праздныхъ *феае* *) или *ансхонк* **) проводили дни и ночи въ изнурительной работѣ, удовлетворяя корыстолюбію своего владѣльца. Счастливыми могли назваться тѣ изъ караймовъ, которые попадали въ неволю цѣлыми семьями: плакать и страдать вмѣстѣ еще могло назваться ихъ счастьемъ... Покорные своимъ мучителямъ, они скоро заслужили ихъ довѣренность и хотя оставались въ томъ же грустномъ рабствѣ, но сбросили съ себя цѣпи и недовѣрчивый надзоръ.

*) Дѣвушка.

**) Мальчикъ.

Годы бѣжали, минуло почти цѣлое столѣтіе, а участь караимовъ не измѣнялась. Проходя горы и ущелья Абхазіи, трудно было въ то время не встрѣтить при пяти или шести сакляхъ туземцевъ *) одно или два еврейскихъ семейства, которые и здѣсь, вѣрные своей нравственности, находили сладость утѣшенія въ религіи... Но пришло время... и послѣднее, жестокое зло пало тяжелымъ испытаніемъ на головы бѣдныхъ переселенцевъ. Проповѣдь лжепророка Шихъ-Манхура, возмутивъ Чечню, проникла и въ дебри Абхазіи. Когда-то идолопоклонники, когда-то христіане, потомъ магометане, потомъ опять язычники-Абхазы рады были принять всякое красное словцо за истину и завѣтъ... Правда, не столько готовые на принятіе основной религіи, какъ на вражду съ гауромъ, горцы, еще болѣе подстрекаемые турецкими выходцами, явно прѣслѣдовавшими переселенцевъ какъ опасныхъ соперниковъ, ослабившихъ ихъ торговлю въ горахъ, обратили первое гоненіе на своихъ благодѣтелей, которые искупили ихъ и руками и трудомъ отъ зависимости жадныхъ турокъ... Гоненія начались со всѣмъ изступленіемъ дикарей, жадныхъ до крови... и въ Абхазіи запылали костры, на которыхъ сжигали мнимыхъ еретиковъ... Три года страдали караимы подъ пыткой истязаній, на праведѣ изувѣрства и жестокаго фанатизма проповѣдниковъ и посланцевъ Шихъ-Мансура... Наконецъ настала часъ ихъ избавленія и торжества!

Имя Юсифа Кадзи еврей абхазской общины чтутъ на ряду съ именами первыхъ своихъ пророковъ. Сынъ кузнеца, ремесломъ и самъ кузнецъ, Юсифъ Кадзи, еще ребенкомъ проданный изъ Абхазіи въ Чечню, тридцать лѣтъ прожилъ въ неволѣ на сибѣжныхъ вершинахъ Фартама. Одаренный характеромъ пылкимъ, твердымъ, стоическимъ и предпріимчивымъ, Кадзи, войдя въ полныя лѣта, бросилъ своего владѣльца и бѣжалъ на Балта-Кай. Подъ видомъ чеченскаго кузнеца онъ десять лѣтъ бродилъ здѣсь изъ аула въ аулъ, встрѣчая на каждомъ шагѣ грустное униженіе и рабство собратій.. Гордая его душа, страдала при каждой изъ этихъ встрѣчъ, и скороцѣлю его жизни сдѣлалась постоянная мысль и дума объ освобожденіи изъ неволи своихъ собратій по вѣрѣ. Но осторожный и опытный, онъ схоронилъ до времени въ своемъ сердцѣ эту мысль, смиренно закаливая князья горцевъ и усердно полируя винтовочные стволы ихъ. Однажды, въ ненастную осеннюю ночь, во второй годъ появленія въ горахъ Шихъ-Мансура, Кадзи, возвращавшійся съ береговъ Чоры, заблудился въ извилистыхъ тропинкахъ Балта-Кая. Не зная дороги и напуганный близкимъ журчаніемъ потока въ пропасти, еврей рѣшился провести ночь на первой площадкѣ, опасаясь упасть въ кручу. Сбатовавъ измученнаго коня, Кадзи завернулся въ бурку и готовъ былъ уже вздремнуть на мокромъ гранитѣ, какъ чей-то близкій говоръ и легкая струя дыма, донесенные то него вѣтромъ, заставили его оглядѣть окрестность. Осторожно, какъ змѣя, подползъ онъ къ закраинѣ обрыва и заглянулъ

*) Горные Абхазы вообще живутъ небольшими аулами и часто самый населенный высчитывается 15 мазанками.

внизъ. Въ самомъ дѣлѣ, подлѣ кремнистымъ навѣсомъ скалы въ оврагѣ, Кадзи разглядѣлъ трехъ горцевъ. Разложивъ небольшой огонь, одинъ изъ нихъ приготовлялъ, повидимому, ужинъ, въ то время, какъ его товарищи весело разговаривая, усердно и поочереди прикладывались къ походному бурдюку. «Это не Карачаевцы и не Балтакаевцы,» подумалъ Кадзи. «Враги или друзья?» Холодный дождь и пріятный, соблазнительный запахъ баранины, подымавшійся въ густыхъ клубахъ пара, заставилъ Кадзи измѣнить своей обычной осторожности... Онъ рѣшился скоротать ночь съ незнакомцами и, взявъ въ поводъ коня, спустился въ балку. За нѣсколько шаговъ отъ костра, еврей узналъ въ бродягахъ горскихъ хищниковъ, но было уже поздно — горцы замѣтили его въ свою очередь и голова Кадзи въ тоже мгновеніе попала на прицѣлъ ихъ винтовокъ. Не теряя бодрости, еврей спрятавъ въ чахолъ свою винтовку и перекинулъ ее за плечи, дѣлая этимъ знакъ покорности.

— Гибель врагамъ и слава друзьямъ вашимъ, храбрые джигиты! сказалъ онъ, свободно опускаясь на влажную землю подлѣ горцевъ.

— Пріютъ и огонь костра нашего къ услугамъ странника! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Бурдюкъ съ виномъ и кусокъ дымящейся баранины по поламъ съ пришлецомъ! весело подхватилъ другой.

— Откуда и куда, кунакъ? спросили оба.

— Отъ чорскихъ друзей — въ родную саклю, на вершину Балта-Кая... Ночь темна и ненастна... конь мой усталъ, я тоже; кому-же оба мы потеряли дорогу — отвѣчалъ Кадзи. Спасибо вамъ за пріютъ и лакомый ужинъ, продолжалъ еврей, протянувъ руку къ котлу, въ кипяткѣ котораго прыгала кусокъ баранины. Но едва онъ успѣлъ сдѣлать это движеніе, какъ вспыхнувшій хворостъ освѣтилъ его блѣдное и исхудалое лицо... въ тоже мгновеніе третій горецъ, быстро опустивъ одну руку на кинжалъ, другою схватилъ гостя за полу бурки.

— Еврей!... выходецъ! вскричалъ онъ такимъ голосомъ, который, повидимому, выражалъ не презрѣніе и угрозу, но сильный восторгъ.

— Кладу стволъ моей винтовки между тобою, Аханъ-Ури, и гостемъ, вскричалъ первый горецъ, замѣчая неприязненное движеніе товарища. Оставь его.

— Не закидывай пылью и грязью могилу отцовъ - джигитовъ, не накликай позора на наши головы, обижая гостя и странника, — сказала другой.

— Пхе! Гость у меня въ саклѣ! А на распутии я голодный шакалъ и кидаю на вѣтеръ вмѣстѣ съ выстрѣломъ заветы отцовъ моихъ!... Добывая пріютъ съ ножа, кровью и жизнью — я не могу дѣлиться имъ въ полѣ также радушно, какъ дымомъ моей сакли въ родномъ аулѣ, — отвѣчалъ Аханъ-Ури. Пусть, пожалуй, продолжалъ онъ, Кадзи будетъ вашимъ гостемъ, но съ этой минуты — онъ *асырь* мой!...

— Кадзи! вскричали хищники — Кадзи — Балтакайскій кузнецъ! И въ ту же минуту, — конь, кинжалъ и винтовка еврея перешли въ распоряженіе гостепріимныхъ наѣздивовъ.

— Не сердись, кунакъ, *итташи* Кадзи, весело продолжалъ Аханъ-

Ури, обобравъ своего гостя: человѣкъ-то ты намъ очень нужный, у насъ въ урупчайскихъ ледникахъ только тебя и недоставало... ты насъ научишь закалявать сталь и ковать прочные нагрудники

Во всю послѣднюю сцену Кадзи ни сдѣлалъ ни одного движенія въ свою защиту. Онъ, повидимому, ни сколько не былъ встревоженъ такимъ привѣтомъ и неожиданнымъ превращеніемъ изъ свободнаго ремесленника въ раба горскаго хищника. Лицо его выражало тоже спокойствіе и ту же ласковую улыбку, какъ и въ первую минуту свиданія съ недругами.

— Мнѣ все равно, гдѣ ни жить, кунакъ, отвѣчалъ онъ хладнокровно, выкинувъ изъ котла на бурку кусокъ горячей баранины. Еврей говорилъ правду: рабство и разлука съ женою и дѣтьми, которыхъ онъ уже давно поручилъ попеченіямъ брата, его не пугали. Въ послѣдніе годы онъ обрекъ себя на скитальчество въ горахъ, съ цѣлю, которой достиженіе выкупала общую неволю и рабство всѣхъ его кровныхъ. Кадзи вѣрилъ въ Провидѣніе, считая себя Его избранникомъ для спасенія друзей и кровныхъ, и каждую неудачу на пути своемъ онъ считалъ испытаніемъ, посылаемымъ ему Свыше, и каждое испытаніе называлъ новымъ и вѣрнымъ шагомъ къ цѣли своей дѣятельности и жизни. Вотъ почему онъ былъ такъ равнодушенъ къ своимъ несчастіямъ. Покорность еврея скоро расположила въ его пользу горцевъ. На разсвѣтѣ, когда хищники стали подниматься на скалы, глядя на нихъ, можно было подумать, что Кадзи ни больше, ни меньше, какъ общій молочный братъ ихъ. Вооруженіе и конь были возвращены ему — и въ мѣстахъ трудной переправы горцы непрерывъ бросались взять поводъ коня Кадзи, чтобы провести его чрезъ бурный потокъ или по узкой тропѣ, проторенной на закраинѣ бездны. На третій день быстрого и утомительнаго перехода въ скалахъ хищники достигли снѣжныхъ лавинъ урупчайской возвышенности — и своего бѣднаго селенія. Въ эти три дня Аханъ-Ури такъ полюбилъ Кадзи и такъ сдружился съ нимъ, что тотчасъ-же предложилъ пріятелямъ оцѣнить еврея и выплатилъ имъ доли ихъ парюю барановъ и двумя винтовками. Въ нѣсколько сутокъ Кадзи при помощи Аханъ-Ури и его пріятелей смазалъ изъ кремня и грязи кузницу, завербовалъ до десятка учениковъ и принялся за работу...

Осень и зима — время тоски и бездѣйствія для горца. Дожди и потоки, размывая едва замѣтныя тропинки скалъ, снѣжные обвалы и жакіе лохмотья, худо согрѣвающие тѣло наѣзника — совершенно лишаютъ его возможности оставить родной очагъ и попытать счастья и добычи на распутии. Въ это грустное время хищникъ прячется въ свою грязную берлогу — и наслаждается только семейною жизнью, т. е. бьетъ жену, холитъ коня, раздавая щедрою рукою щелчки своему неумытому потомству, которое въ числѣ пяти или шести ребятишекъ кувyrкается съ утра до поздняго вечера на сальномъ войлокѣ, или, изучая правила джигитства, очищаетъ карманы у зазѣвавшихся кунановъ. Горецъ привыкъ къ лишеніямъ, къ безпрестанной борьбѣ съ опасностями, онъ вскормленъ ими, они цѣль его жизни, отрада, сред-

ства и утѣшеніе — и потому въ тѣ минуты, когда природа и нищета захлопнуть дверь его сакли, за которою онъ дрожитъ отъ стужи, чуть не плавая въ потокахъ дождя, наводнившихъ грязную саклю — онъ ищетъ наслажденій и душевнаго отдыха въ воспоминаніяхъ объ этихъ страшныхъ очарованіяхъ своей жизни... Влажный хворостъ, шипя какъ сотня змѣй — курится на очагѣ, какъ сопка, бросая красоватый отблескъ на черныя стѣны сакли... дымъ гуляетъ въ ней цѣлымъ облакомъ, медленно вырываясь въ рѣшетчатое окно или въ отверстіе, прорѣзанное надъ очагомъ, а закоптѣлые джигиты, сжавшись въ тѣсный кружокъ, коротаютъ ненастную ночь бойкимъ разговоромъ про свою удачу, или гадаютъ о будущихъ подвигахъ... Въ ту зиму, когда Кадзи началъ свои работы у Урупчаевцевъ — всѣ горскіе враги и хвастуны были лишены чести и удовольствія потѣшать почтенное общество оборванныхъ витязей разказами; Кадзи одинъ — и со славою замѣнилъ ихъ всѣхъ. Еврей испыталъ и выстрадалъ весьма много; одной тридцатилѣтней жизни между независимыми Чеченцами, славными разбойниками и головорѣзами, было довольно для того, чтобы говорить безъ умолку цѣлую зиму о лихихъ наѣздахъ и ловкихъ грабежахъ. Ктому же Кадзи обладалъ въ высшей степени искусствомъ горскаго *масальджи*, и въ то время, какъ искры брызгали дождемъ изъ-подъ его молота, — онъ не уставалъ переходить отъ исторій къ другой, собирая вокругъ себя толпу любопытныхъ, которая росла съ каждымъ днемъ... и наконецъ кузница еврея сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ всего аула. Это еще болѣе расположило горцевъ въ пользу Кадзи. Они стали на него смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на человека, извѣдаващаго тысячи золъ и столько же бѣдъ, а такая репутація въ глазахъ хищника есть очень важный документъ на право хозяина чужой головы. Въ самомъ дѣлѣ, съ наступленіемъ весны, отдѣльныя партіи хищниковъ, — прежде чѣмъ оставили свои норы, бросились за совѣтомъ къ Кадзи, прося его указать, гдѣ и какъ пробираются къ Анапѣ богатые караваны турецкихъ промышленниковъ. Еврей удовлетворилъ всѣхъ — и въ концѣ Апрѣля самъ отправился на поискъ съ другомъ своимъ Аханъ-Ури... Послѣдній съ четырьмя наемными молодцами отдался совершенно въ распоряженіе своего ясыря... Кадзи владѣлъ отличнымъ чутьемъ наѣздника: по слѣду коня, по оброченному ремешку — онъ узнавалъ тропинку, по которой прошла арба промышленника. Въ первый же день похода еврей обратилъ вниманіе своихъ спутниковъ на двѣ выжженные лужайки въ балкѣ и на изрытую площадку земли, гдѣ по его мнѣнію непременно помѣщалась палатка турецкаго купца. Хищники мелкой рысью пустились берегомъ Урупа и къ ночи дѣйствительно настигли небольшой караванъ... Первый встрѣченный товаръ заключался въ шести хорошенкихъ горянкахъ, а потому хищники, предпочитающіе золото красотѣ, удовольствовались только нѣсколькими горстями абазовъ: — маленькою контрибуціею, взятою съ хозяина двухъ арбъ за удовольствіе безпрепятственнаго слѣдованія до новой встрѣчи съ такими же представителями горской честности, какъ Аханъ-Ури. Усыпивъ на время алчность своего пріятеля, Кадзи обратился

къ своимъ планамъ. Подъ видомъ новыхъ розысковъ, еврей, миновавъ нѣсколько ауловъ верхней Абхазіи, въ которыхъ страданія его едино-вѣрцевъ еще болѣе подстрекнули его дѣятельность — пустился въ горы... Страшными и непроходимыми трущобами велъ Кадзи свою партію. Хищники, закаленные въ трудахъ и тяжкихъ походахъ, теряли свое мужество и храбрость, слѣдуя за евреемъ.. Казалось, ни одна нога человѣческая не оставила слѣда на этихъ снѣгахъ горъ, въ ущельяхъ которыхъ Кадзи пробирался какъ бывалый... — Куда ты ведешь насъ? — спрашивалъ Аханъ-Ури, теряя и бодрость и терпѣніе. — А, вотъ, еще день, — отвѣчалъ хладнокровный проводникъ — и мы перевалимъ на арбенную дорогу, гдѣ купцовъ, какъ шамаи въ Рижѣ... (*) Наконецъ открылась вершина Согдена — цѣль всѣхъ думъ, трудовъ и походовъ Кадзи... Гикомъ восторга и удивленія привѣтствовали хищники мрачную и неприступную мѣстность Согдена. Да, сказалъ Кадзи, когда утомленные и измученные горцы расположились на отдыхъ, меня не обманули! мѣсто это въ самомъ дѣлѣ сокровище Абхазіи... и здѣсь съ сотнею молодецъ — я заговорилъ бы всѣ кинжалы и винтовки окружныхъ Абазеховъ. — Правда! Правда! подхватили хищники, вопросительно переглянувшись; казалось, каждый изъ нихъ готовъ былъ въ ту же минуту осуществить эту мысль. — Два, три набѣга на сосѣдей и потомъ, продолжалъ Кадзи, только кататься на коврѣ, обнявшись съ бурдюкомъ, всё бы принесли сюда: и медъ и кукурузу — не тронь только!... Пхе! Сколько догадокъ подъ этой шапкою, прошепталъ Аханъ-Ури, устремивъ одобрителный взглядъ на еврея... За твою голову, продолжалъ онъ восторженно и прицѣлнувъ по рукояткѣ кинжала, — я бы ~~платилъ~~ Кадзи (братъ Кадзи) — выворотилъ всѣ карманы на бугуркальскомъ базарѣ... — Ну... за то я твою куплю дешевле, подумалъ еврей... Въ эту же ночь и на этомъ же привалѣ хищники рѣшили основать аулъ въ Согденскихъ трущобахъ. — Едва только первыя лучи солнца разсыпались яркими блестками на дѣвственныхъ снѣгахъ Согдена, какъ наши путники уже оставили ночлеги... Теперь спускъ съ вершины хотя былъ вдвое труднѣе и опаснѣе чемъ подъемъ, — но здѣсь робость и отчаяніе искателей приключеній неволью исчезла при взглядѣ на волшебную и грозную природу... Казалось, это былъ пріютъ, готовый усладить самыя взыскательныя и прихотливыя требованія челоѣка... декорація мѣстности могла сравниться съ тѣми несбыточными и волшебными картинами, какія только можетъ породить воображеніе китаецъ, заснувшаго отъ пріема обаятельнаго опиума. Вершина скалъ, опущенная снѣгомъ, съ ужасающими безднами, чрезъ которыя перекидывались живые снѣжные мостики, скованные обледенелою корою; черныя и мрачныя разсѣлины, на кремнистыхъ ребрахъ которыхъ, въ замерзшихъ капляхъ снѣга, тысячу огней переливались лучи утренняго солнца, едва коснувшагося угрюмой вершины Согдена, —

*) Небольшое озеро верхней Абхазіи въ землѣ *Аихоадзевъ*.

и кругомъ ни слѣда жизни, ни травы, ни дерева... все это рисовало такую мрачную и величественную картину, что даже хитрецъ Аханъ-Ури не могъ не прошептать съ благоговѣніемъ молитву: о Аллахъ! если мы первые видимъ это мѣсто, гдѣ ты спрятавъ твои дожди, вѣтры и громы—то не отнимай у насъ недостойныхъ глазъ нашихъ!... При спускѣ съ крутизны природа мало-по-малу измѣнялась и представляла новыя очарованія... блѣдная зелень, влажный мохъ, вызолоченный желтизою и ползущій можжевельникъ унизывали пестрымъ бархатомъ площадки, повизнія надъ безднами, и окаймляли узкія и темныя ущелья, задвинутыя вверху кремнемъ... направо раскидывался, повидимому, непроходимый, безконечный сосновый боръ, отрѣзанный отъ западныхъ скалъ быстрымъ потокомъ, который, какъ зверь, крутясь и прыгая, падалъ широкою лентою въ балку... Балка эта рисовала всю роскошь, всю прелесть природы, которою такъ богаты плоскости Абхазіи... Сжатая двумя рукавами Макеры и задвинутая съ сѣвера горами — плоскость представляла все могущество, всѣ сокровища растительности юга... Слѣва открывались раздольныя дуга; справа молодой самшитъ, перевитый гибкими лозами дикаго винограда. Тамъ-и-сямъ вытягивались стройныя тополи, отъ которыхъ отдѣляясь темною зеленою цвѣли яблони и черешни... Спустившись въ балку, Кадзи, можно сказать, обычнымъ чутьемъ отыскавъ бродъ на правомъ рукавѣ Макеры и къ полдню вывелъ товарищей на арбенную дорогу... Зной былъ не стерпимъ, ктому же трудность пути, вынесенная конями нашихъ странниковъ, — все располагало послѣднихъ искать пріюта и отдыха, какъ вдругъ отдаленный выстрѣлъ, потомъ нѣсколько горцевъ, промчавшихся вихремъ чрезъ поляну и наконецъ частая перестрѣлка остановили вниманіе Урупчаевцевъ.

— Что бы это значило? спросилъ Аханъ-Ури, не спуская внимательныхъ глазъ съ ущелья, въ которомъ скрывались наѣзтники.

— То, — отвѣчалъ догадливый Кадзи, что горные коршуны прежде насъ свили гнѣзда въ этихъ скалахъ и высторжили добычу... Постой! Слышишь — эти звонкіе удары выстрѣловъ... это длинное дуло турецкихъ ружей... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что купцы отстаиваютъ свинцомъ свое серебро.

— Если считать пули, замѣтилъ одинъ изъ наѣзтниковъ — то свалка должна быть славная.

— Въ ней вѣрно еозіо (двадцать) головъ есть на прицѣлѣ! подхватилъ другой.

— Что жъ — гикнемъ, Кадзи? сказалъ Аханъ-Ури, разгорячая своего бѣгуна крутыми поворотами... Перестрѣлка въ разгарѣ: работы будетъ и нашимъ рукамъ, и хоть въ дѣло поспѣемъ послѣдними, за то въ дѣлежъ будемъ первыми.

— Гикнемъ, — Аханъ-Ури: шестью шашками можно много начекавить золота!... Гай-да!

Горцы гикнули... кинжалъ въ зубы, винтовку изъ чахла... и быстрѣе вѣтра, обгоняя другъ друга, понеслись къ ущелью. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ тѣснины, при спускѣ съ кособора, человекъ пять турокъ и

столько же шапсуговъ — проводниковъ, отстрѣливались, укрѣпившись за арбами, отъ семи горскихъ хищниковъ ... Видно было, что удача оставила послѣднихъ: почти всѣ они были ранены и, укрываясь за камнями, мѣняли пулю на пулю; только двое изъ нихъ, обнаживъ пашки, успѣли вспрыгнуть на арбу. Прибытіе Аханъ-Ури съ пріятелями произвело общее замѣшательство между обоими сторонами ... ни турки, ни хищники не знали, кому изъ нихъ достанется быть на прицѣлѣ этихъ шести винтовокъ...

Аханъ-Ури рѣшилъ загадку.

— *Гай-да уррысыны-эх-коо-угуръ-сакка!* (Бей въ сердце бритоголовыхъ!) вскричалъ онъ ... Пули свиснули, и быстрые Урупчаевцы, спѣшившись, бросились на арбы.

— *Гай-да уррысыны!* отвѣчали хищники, быстро повторяя маневръ подкрѣпленія.

Натискъ былъ силенъ ... Кинжалъ, пашки, ногти и зубы — всё пошло въ работу ... Только одни отчаянныя шапсуги отстаивали грузныя арбы, — турки давно уже забились между колесъ подъ телегами...

— *Слайся! брось пашку!* кричалъ Аханъ-Ури, размахивая направо и налево кинжаломъ, въ то время, какъ жадныя пріятели, оставивъ шапсуговъ, выгружали телеги ...

— Впередъ! Бей разбойниковъ! ... отвѣчалъ рослый шапсугъ, окруженный тремя безстрашными и, повидимому, невредимыми товарищами, словно заговоренными отъ стали и свинца.

— Сюда! всѣ сюда! Втопчемъ ихъ въ кремень и свинцомъ забьемъ скважины! кричалъ ожесточенный Аханъ-Ури.

— Не успѣешь, стѣпной волкъ! ... Ступай въ джеххенемъ; тамъ шайтаны изъ тебя глюрамъ подковъ надѣлаютъ! — Съ этими словами рослый шапсугъ, заслоненный товарищами отъ вражескихъ ударовъ, нагнулся въ арбу, вытащилъ боченокъ пороху, однимъ ударомъ кинжала выколотилъ изъ него дно — и брякнулъ куркомъ пистолета надъ отверстіемъ ... Борьба происходила не болѣе какъ на трехъ квадратныхъ саженьяхъ ... и потому въ тотъ же моментъ — люди, лошади, арбы, тряпки, щетки, кольчуги и пашки — все взвилось на воздухъ при оглушительномъ стоѣ окрестности ... Когда черное облако порохового дыма, разорваннаго воздухомъ, разбѣжалось на скалы, когда смолкло горное эхо, повторившее въ звучныхъ раскатахъ взрывъ и дробное паденіе разорванныхъ тѣлъ, камней и кремней, то мѣсто, которое за нѣсколько минутъ представляло столько жизни, столько предметовъ, — теперь было совершенно пустынно и безмолвно ... Только три раздавленные трупы, въ которыхъ еще можно было признать турецкихъ купцовъ — да пять или шесть разбросанныхъ поодаль винтовокъ свидѣтельствовали о минувшей борьбѣ ... И созерцателемъ этой печальной картины оставался одинъ Кадзи ... Смерть обошла его ... Оглушенный взрывомъ арбы и ударомъ какого-то осколка въ голову, еврей стоялъ нѣсколько минутъ безъ мысли и движенія, какъ вдругъ знакомый окликъ: «Кадзи, ты — живъ?» заставилъ его очнуться. Еврей поднялъ

голову и къ немалой своей досадѣ встрѣтилъ Аханъ-Ури, оставшагося также невредимымъ...

— Проклятый шапсугъ, сказалъ хищникъ, придумалъ умную штуку ... взгляни-ко!.. и Аханъ-Ури приподнялъ съ головы доскутъ сукна, замѣнившій ему шапку ... гляди-ко, волосъ какъ не бывало!.. Однако, надо признаться, — меня швырнуло порядочно — и, хватись я головой — ты бы, другъ Кадзи, видѣлъ теперь только одни мои ноги; къ счастью я упалъ бокомъ — и кажется сломалъ только одно ребро ... Ну ... гдѣ же наши? ... неужели ихъ всѣхъ закинуло на солнце?.. А ... вотъ Байра!.. Въ самомъ дѣлѣ, избитый и изуродованный Байра подошелъ къ намъ.

— Вѣрно ужъ больше никого недокличешься? сказалъ Аханъ-Ури, грустно оглядѣвъ окрестность... И конь только одинъ... Плохо! Впрочемъ всё-таки не мѣшаетъ выворотить карманы у этихъ храбрыхъ джигитовъ, которые, какъ кажется, задохнулись отъ излишней отваги и мужества. Съ этими словами хищникъ принялся раздѣвать трупы купцовъ, выгружая карманы изъ ихъ шалваровъ ... Жатва была обильная ... При каждомъ брызгѣ золотыхъ монетъ, при каждомъ мѣшкѣ, полнымъ золота, которое въ то же мгновеніе исчезало въ черескѣ Аханъ-Ури, глаза Кадзи сверкали какъ угли и дрожавшая рука его не разъ судорожно искала рукоятъ кинжала ... Ну, довольно! Пхе! ... кажется всё? внимательно прошенталъ хищникъ ... Куда же мы теперь, ипшани Кадзи? ласково спросилъ онъ, обращаясь въ еврею.

— Домой, отвѣчалъ послѣдній, — мы избиты, измучены — и съ добычей. .

— Гм ... Да! ... Ну и опять черезъ эти скалы?

— Опять, тутъ ближе путь! отвѣчалъ еврей — подаривъ Аханъ-Ури такимъ взглядомъ, что послѣдній не поскупился бы посадить ему пулю въ затылокъ, если бы подмѣтилъ этотъ взглядъ: столько было въ немъ вражды, неприязни и злыхъ обѣтовъ...

Снова перейдя вбродъ рукавъ Макеры, хищники подвигались на средину согденскихъ скалъ и расположились здѣсь на ночлегъ. Измученный и избитый Байра, не смотря на боль и воспаленіе ранъ, хранилъ первый, за нимъ Аханъ-Ури, убаюканный мечтами о будущихъ табунахъ коней и цѣлыхъ тысячахъ барановъ, которые прятались теперь у него за пазухой въ видѣ золотыхъ *тумановъ* и *бужгаловъ*. Не спалъ одинъ Кадзи ... Страшныя мысли ронялись въ головѣ его. Теперь онъ почти достигъ своей цѣли ... Мѣсто, куда бы онъ могъ созвать своихъ страдальцевъ-братіи, гдѣ бы они смѣло могли отстаивать свою свободу — такое мѣсто найдено ... Деньги, необходимыя для начала предпріятія, цѣлыми горстями спрятаны на груди врага его, Аханъ-Ури ... стоитъ только кинжаломъ разработать эту золотую руду — и тысячи единовѣрцевъ побѣгутъ по слѣдамъ Кадзи къ своему спасенію ... Тревожнымъ взглядомъ окинулъ еврей мрачную окрестность ... все безмолствовало ... ни одного видѣнія не представлялось его тревожной совѣсти и только кипящій клубомъ потокъ въ пропасти, да отдаленный вскрикъ совы въ мрачномъ борѣ разрушали спокойствіе ночи ... При-

таивъ дыханіе, Кадзи на локтяхъ подползъ къ Ахантъ-Ури ... прислушался ... заглянулъ въ лицо — спитъ!.. Но, съумѣю ли я однимъ ударомъ перерѣзать вздохъ въ этой груди? подумалъ Кадзи ... перерѣзать такъ, чтобы ни одинъ звукъ не сползъ съ языка его ... Нѣтъ!... лучше, прежде — Байру ... днемъ раньше ... ему всё равно; кому же онъ спитъ на краю пропасти ... толчекъ ... и я одинъ-на-одинъ съ золотомъ — и Ахантъ-Ури!.. Также какъ и прежде, на локтяхъ и груди, Кадзи змѣю подползъ къ сонному горцу ... оглянулся на спящаго Ахантъ-Ури, согнулся, вытянувъ впередъ голову и сохраняя упоръ тѣла въ гранитъ — сильною рукою мѣтнулъ впередъ несчастнаго Байру ... Бурка чернымъ крыломъ заполоскалась надъ пропастью ... раздался вопль ... потомъ дробное паденіе земли и кремня. и слышно было, какъ разбитое тѣло горца, катясь по обрывамъ, то задерживалось на мгновеніе ... то съ новою силою стремилось впередъ и — упало въ потокъ на дно бѣздно. Руки Кадзи дрожали; измученный душевнымъ волненіемъ, онъ прилегъ на землю ... но предсмертный стонъ товарища не пролетѣлъ мимо чуткаго и тревожнаго уха Ахантъ-Ури; какъ раненный тигръ вспрыгнулъ онъ на буркѣ.

— Кто стонетъ? вскричалъ онъ.

При этомъ вопросѣ вся бодрость и рѣшимость вернулась къ еврею...

— Байра упалъ въ провасть, Ахантъ-Ури! отвѣчалъ Кадзи, — быстро обнаживъ кинжалъ и въ одинъ прыжокъ настигая врага своего. — Одною рукою онъ ухватилъ воротъ черески хищника, другою занесъ кинжалъ надъ его головою ... Ловкою и сильною рукою Ахантъ-Ури вышибъ кинжалъ изъ рукъ Кадзи ... Враги съ проклятіемъ обвилися руками, — закрутились направо, налѣво — и грянулись на землю, повиснувъ на краю обрыва...

— Пусти! прошепталъ Ахантъ-Ури ... Честное слово джигита — половина тумановъ твоя!..

— Всё и съ твоею жизнію!..

— Такъ вмѣстѣ, подлый жидъ!.. Будь ты проклятъ!.. И ожесточенные враги, обнявшись, ринулись съ крутизны... На половинѣ полета, бурка, плотно застегнутая у шеи Кадзи, зацѣпилась за камень стремнины ... Оба тѣла, задержанные въ быстромъ полетѣ, дрогнули и замолчали надъ балкой... Еврей не потерялся: — отчаяннымъ движеніемъ онъ сбросилъ съ себя врага, и въ то время, какъ тотъ катился внизъ, Кадзи, какъ змѣя свернувшись на воздухѣ въ узелъ, судорожно вился ногами и руками въ спасительную глыбу кремня...

Солнце и утро застали еврея на мѣстѣ его ночныхъ подвиговъ. Не рискуя въ темнотѣ сдѣлать даже и малѣйшаго движенія, Кадзи окостенѣвшими руками, почти вися на воздухѣ — продержался до разсвѣта на выдавшейся глыбѣ кремней. Теперь первымъ его дѣломъ было вскарабкаться на первую площадку и потомъ заглянуть внизъ ... Стремнина подымалась съ балки перпендикулярною стѣною, изрытою, пещерами и трещинами; — всѣ предметы, расположенныя у ея подошвы, открывались совершенно взгляду наблюдателя. Этого-то и желалъ Кадзи. Внимательно преслѣдуя каждый предметъ, еврей остановился на-

конецъ на черномъ тѣлѣ, казавшемся сверху небольше мухи... вглядываясь пристально онъ узналъ въ немъ трупъ Аханъ-Ури, упавшій въ мозжевелиникъ при опушкѣ саммитовой роши... Однако спуститься прямо къ цѣли всѣхъ своихъ трудовъ и подвиговъ еврей неимѣлъ ни какой возможности, его опытный и зоркій глазъ не могъ найти ни одной удобной тропинки къ сходу внизъ... Нужно было снова подняться на скалы, потомъ спуститься на сѣверный склонъ ихъ и, обойдя нѣсколько подошву, искать ущелья или трещины, которыя бы вывели его на южную сторону Согдена, гдѣ лежалъ золотой трупъ Аханъ-Ури... Подняться на скалы для Кадзи предстоялъ трудъ весьма важный и опасный, однако спустя полчаса, послѣ неимоверныхъ усилій, еврей выбрался на вершину Согдена и, забывая голодъ и усталость, отыскавъ коня, прыгнулъ въ сѣдло и бросился внизъ по тропинкѣ... Чѣмъ далѣе подавался онъ впередъ, тѣмъ всё болѣе и болѣе суживалась тропинка и наконецъ исчезла она на закраинѣ обрыва. Привычный къ бѣдамъ и препятствіямъ, еврей не отчаявался; онъ рѣшился бросить коня и снова, довѣряя крѣпости рукъ и ногъ своихъ, сталъ спускаться внизъ по крутизнамъ и обрывамъ, обходя трещины и глубокіе овраги... Смеркалось, когда Кадзи успѣлъ выйти на арбенную дорогу и, пробѣжавъ нѣсколько верстъ, встрѣтить трещину въ сплошной массѣ скалъ. По всѣмъ соображеніямъ и расчетамъ нашего героя, трещина должна была вывести его къ южнымъ гранямъ горы. Ободренный близкимъ окончаніемъ похода, Кадзи собралъ все свое мужество и привычную твердость... Казалось, путь, который предстоялъ ему теперь, не видалъ на себѣ никогда слѣда звѣря или человѣка... Глубокій снѣгъ, павшій въ трещины и задвинутый ребрами скалъ, сохранялъ всю свою дѣятельную бѣлизну, лишенный солнечнаго луча... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлись огромные и страшные провалы, образовавшіеся отъ паденія съ торы кремней и плитъ... Мракъ и грустное молчаніе царствовали въ этомъ проходѣ, когда безстрашный Кадзи вступилъ въ него, оцупывая прикладомъ винтовки каждый шагъ свой... Время летѣло быстро; пробираясь, гдѣ ползкомъ, гдѣ, повозможности, ускоряя шагъ, еврей съ ужасомъ видѣлъ, какъ выходное отверстіе мало-по-малу рѣдѣло, стоновилось всё менѣе замѣтнымъ и наконецъ исчезло въ мракъ наступившей ночи... Кадзи оглянулся назадъ: всходъ также исчезъ за нимъ. Изнемогая отъ голоду, холоду, усталости и душевнаго волненія, путникъ осторожно опустился на снѣгъ, оторвалъ воротъ своей рубахи и раздѣливъ его книжаломъ на нѣсколько нитей, при помощи пороховой мякоти сдѣлалъ изъ нихъ факель, съ которымъ и рѣшился продолжать путь... Скоро отдаленный вой шакаловъ ободрилъ еврея: не было ни какого сомнѣнія, что какъ выходъ, такъ и трупъ Аханъ-Ури недалеко... Въ самомъ дѣлѣ, спустя минутъ десять холодный вѣтеръ пахнулъ въ лицо Кадзи, донесъ до него отраднѣйшій и животельный воздухъ балки... Почти съ воплемъ восторга еврей кинулся внизъ по отлогому выходу изъ тѣнины... Прислушиваясь къ вою шакаловъ, вѣроятно дѣлившихъ трупъ Аханъ-Ури, Кадзи опредѣлилъ могилу врага, до которой, повидимому, оставалось нѣсколько

шаговъ ... Хотя и сквозь мрака ночи, но — зоркій глазъ еврея успѣлъ разглядѣть предметы, замѣченные имъ еще утромъ съ вершины скалъ ... Густая самшитовая роща, перемѣшанная съ мелкимъ дубомъ, волнуясь общей массой подъ вѣтромъ, рѣзко отдѣлялась на черномъ фонѣ ночного воздуха; передъ нею, какъ черный пушистый коверъ — выстилался мозжевельникъ, взбѣгая на мрачную стремнину ... Держась тропинки у основанія этой стремнины, Кадзи съ величайшею осторожностію подавался впередъ, какъ вдругъ вой шакаловъ, указывавшій ему до-сихъ-поръ путь, смолкъ, покрытый громкимъ и протяжнымъ ревомъ звѣря, болѣе сильнаго и опаснаго; и въ тоже время испуганная стая шакаловъ съ визгомъ промчалась у ногъ путника ... Послѣдній не остановился ни на минуту ... Напротивъ, опустивъ еще пулю въ дуло винтовки и изготозивъ кинжалъ, онъ прибавилъ шагу, уже не обращая вниманія на колючій терновникъ, рвавшій ключьями его одежду ... Если это медвѣдь, думалъ Кадзи, то еще нѣсколько минутъ и онъ унесетъ мою добычу въ рощу ... Новый ревъ звѣря, болѣе свирѣпый и протяжный, на который отвѣчалъ пронзительный вой волковъ, огласивъ пустынную окрестность, остановилъ на минуту еврея ... Ага! сказалъ онъ, волки вѣрно также хорошо чувуютъ золото, какъ и я ... по всему видно, что они не шакалы и, какъ кажется, уступятъ мясо Аханъ-Ури только съ бою ... Впередъ Кадзи!.. Гибель — или конецъ всѣмъ пыткамъ!.. Но еврей еще не успѣлъ двинуться съ мѣста, какъ вражда за золотой трупъ хищника началась со всѣмъ ожесточеніемъ между голодными звѣрями ... Глухое рычаніе, переходившее въ протяжный вопль, смѣшанное съ ворчаніемъ озлобленныхъ волковъ подобнымъ вою цѣлой стаи собакъ, шумъ, трескъ сухаго мозжевельника и наконецъ паденіе нѣсколькихъ тяжелыхъ тѣлъ — всё это навело минутный ужасъ на безстрашнаго еврея, тѣмъ болѣе, что борьба происходила не болѣе какъ въ десяти отъ него саженьяхъ ... Вдругъ зарокоталъ справа выстрѣлъ, потомъ другой ... При свѣтѣ сверкнувшаго огня на полкахъ винтовокъ Кадзи успѣлъ разглядѣть двухъ горцевъ, бросившихся на огромнаго медвѣдя ...

— Лѣвѣ ... Смѣлѣ Акчай!.. Принимай его на кинжалъ — кричалъ одинъ.

— Я въ лапахъ — Учибъ-Гай!... бери его ... въ припоръ ... Ухъ... рветъ... Плечо... Умираю!...

— Прочь!.. Долой съ прицѣла! Бью! вскричалъ Кадзи, въ одинъ прыжокъ достигнувъ медвѣдя ... Въ тотъ же моментъ свистнули двѣ пули, ударясь о черепъ звѣря.

— Славно, товарищъ, отозвался Учибъ-Гай, высвобождая изъ лапъ, убитаго медвѣдя своего полумертваго товарища ... Откуда подо-спѣлъ?... Словно съ мѣсяца свалился!..

Кадзи ненадо было много думать, чтобы узнать въ своихъ новыхъ знакомцахъ горскихъ охотниковъ.

— Также, какъ и вы, кунакъ, отвѣчалъ еврей — охотился въ здѣшнихъ трущобахъ съ моимъ молочнымъ братомъ, да вотъ, сегодня шайтанъ на разсвѣтѣ подставилъ ему ногу ...

— Пхе!... ну — и?...

— Ну, и швырнулъ его со скаль въ кручу; отыскивая его трупъ, отъ котораго хотъ руку надо привести въ аулъ, я и набрелъ на васъ...

— А мы, такъ вотъ три дня сряду слѣдили этого силача... Пхе!... не пригавни можно сказать, что гнали его верстъ тридцать, наконецъ попался... Зажигай, кунакъ, костеръ: — у насъ есть славный ужинъ... Ты вотъ сыщешь объѣдки твоего молочнаго брата, а я перевяжу пока рану Акчая.

Костеръ запылалъ въ минуту, разогнавъ далеко голодныхъ волковъ и шакаловъ. — Охотникъ, занятый рененымъ товарищемъ, не обращалъ вниманія на поиски Кадзи, который въ четверть часа успѣлъ обобрать карманы Аханъ-Ури, обезображенного шакалами — и воротился къ костру съ его ухомъ...

Проведя ночь въ бакѣ, Кадзи купилъ у охотниковъ коня и, полный отраднѣхъ надеждъ въ будущемъ, выбрался на горныя тропинки, спустившись на югъ Абхазіи лѣвымъ берегомъ *Аура* (*) Перейдя вбродъ, согнутое у Дзыбна колѣно Бзыби, сжатое въ тѣснинѣ, Кадзи здѣсь же, въ аулѣ, встрѣтилъ своего одноаульца, стараго еврея — Саки. Послѣдній, одобливъ планъ товарища, на другой день отослалъ свое семейство съ двумя другими въ неприступныя скалы Согдена и съ восемью удалцами отправился впередъ выручать кровныхъ. Нашимъ героямъ необходимо было добраться только до самого населеннаго еврейми Абхазскаго аула Геймаза, расположеннаго при рѣкѣ того же имени. На четвертый день пути евреи были уже въ немъ, встрѣтивъ тамъ страшную картину униженія и гибели собратій... По слову Кадзи и Саки, угнетенные евреи взяли за оружіе, перерѣзали притѣснителей и ушли вслѣдъ за семействомъ Саки. Такъ, въ пять мѣсяцевъ, Кадзи успѣлъ переселить на Согденъ нѣсколько тысячъ страдавшихъ до того караймовъ... Жену и брата онъ не нашелъ на Балта-Каѣ: они были сожжены изувѣрами; осталась одна дочь, которая, будучи перепродана въ горы, уже спустя годъ, успѣла бѣжать къ отцу въ его неприступное и безопасное убѣжище. Поклявшись вѣчною враждою къ врагамъ своимъ, Кадзи съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ и умѣньемъ привелъ въ два года къ окончанію планъ свой, возстановилъ удивительный порядокъ между переселенцами, подаривъ ихъ жизнью, которой и теперь завидуютъ въ горахъ всѣ окружныя туземцы. Собранные въ одно мирное и дружное семейство, евреи насѣлили три аула и составили отдѣльное общество. Кадзи распорядился умно. Тѣснимые и презираемые до того караймы, теперь вдругъ сдѣлались предметомъ почета и ласки окружающихъ горцевъ. Зная полное невѣжество горцевъ во всемъ и способ-

*) Одинъ изъ самыхъ большихъ рукавовъ Бзыби, которая, вытекая изъ озера Рижца, пробѣгаетъ въ кривомъ направленіи до аула Дзыбнѣ, гдѣ поворачивъ подъ прямымъ угломъ, течетъ на юго-востокъ и при укрѣпленіи Пидунда впадаетъ въ Черное Море. Берега этой рѣки весьма заселены, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются неприступныя кручи и рощи, мѣста особенно предпочитаемыя Абазехами.

ность и смѣшленость во всякомъ ремеслѣ своихъ единовѣрцевъ, Кадзи обратилъ каждую саклю въ своихъ аулахъ въ заводъ или фабрику... Тогда горцы, забывая свое презрѣніе къ евреямъ, съ поклономъ приходили и приходять къ нимъ за горстью пороку или съ заказомъ сшить новую чуху, или разукрасить оружіе блестящею и искусною насѣчкою. Кадзи какъ былъ кузнецъ, такъ имъ и остался... Черезъ десять лѣтъ послѣ населенія онъ умеръ на рукахъ своихъ друзей, завѣщая имъ миръ и храненіе тѣхъ порядковъ, которые онъ ввелъ между ними.

Вотъ что рассказываютъ сами согденскіе евреи объ образованіи своей общины, прибавляя къ исторіи подвиговъ Кадзи тысячи басней, которымъ рѣшительно нельзя вѣрить, и я рассказалъ изъ его жизни только то, что хотя нѣсколько походить на правду...

1844 г. въ первыхъ числахъ Мая, находясь въ плѣну въ одномъ изъ Абхазскихъ ауловъ, именно въ «Дазари» у князя Астанъ — Гари, мнѣ удалось посѣтить два раза согденскіе аулы караимовъ. Князь выдавалъ одну изъ дочерей своихъ за своего старого сосѣда и желая блеснуть горскою роскошью, отправился на Согденъ съ заказами для цѣлой стаи нукеровъ новыхъ черкесокъ и новаго вооруженія. Ктому же ему нужно было до десятка новыхъ ковровъ, на которыхъ вообще любятъ попировать и ухнуть горцы, и довѣряя моему вкусу, какъ вкусу человѣка цивилизованнаго, знакомаго по его выраженію со всѣми змѣйками на платьяхъ капуданскихъ женщ., — онъ благоволилъ взять меня съ собою. Рано, еще до восхода солнца, я, два нукера и князь отправились въ дорогу. Сказать по совѣсти, не привычный къ отчаяннымъ бродамъ въ кипящихъ потокахъ и переѣздамъ чрезъ крутизны, гдѣ каждая трещина ждетъ путника оскаливъ зубы, — я не безъ страха и головокруженія слѣдовалъ за моими владѣтелями. Цѣлый день и затѣмъ ночь мы кочевали въ скалахъ подъ проливнымъ дождемъ, питаясь, на основаніи горской походной экономіи, однимъ сухимъ просомъ — и, наконецъ, къ общему благополучію и неизъяснимому восторгу моего голоднаго желудка, на вторыя сутки, переправившись чрезъ Анреуто, завидѣли гостепріимныя скалы евреевъ...

Сплошною массою и въ полномъ величіи путникъ можетъ разсмотрѣть ихъ еще верстъ за десять... Но чѣмъ ближе подвигаешься къ нимъ, тѣмъ болѣе растетъ очарованіе, при взглядѣ, какъ дробятся и отдѣляются красоты этихъ скалъ... Мы были на западной сторонѣ ихъ. Нельзя не сознать всего величія, всего могущества Создателя, нельзя не затрепетать въ немомъ восторгѣ, созерцая эти громады, повитыя внизу всею роскошью южной природы, а вверху надѣленные всею ужасомъ, всею грознымъ величіемъ недосыгаемой, мрачной выси, доступной только быстрому оленю и горному орлу... Пробираясь виноград-

никомъ, я припадалъ на гриву коня, подымался на короткое стремѣ, стараясь поймать глазомъ хотя одну саклю на скалахъ, хотя одинъ признакъ жизни ... ни чего не бывало!.. Только одни мазанковые бойницы бѣлѣлись на склонѣ скалъ ... за ними тянулись ряды сосенъ, или громады камня, готовые, повидимому, рухнуть съ мѣста отъ полета надъ ними дикаго голубя ... За нами съ шумомъ била въ крутые берега Анреуто, справа высидись скалы, слѣва самшитовая роща, прямо виноградникъ и далекая безпредѣльная степь ... Но, вотъ открылась въ скалахъ крутая тѣснина, желтой змѣйкой взвившаяся кверху ... Нукеры сыркнули съ сѣдла, бросили мнѣ въ руку свои уздечки — и съ гикомъ погнали въ гору княжескаго коня, за которымъ слѣдовалъ и мой вихорь ... На половинѣ подъема мы остановились ... Князь выстрѣлилъ изъ пистолета.

— Откуда? раздался голосъ надъ нами.

— Дарійцы! отвѣчалъ Князь.

— Я поднялъ голову ... Бѣлыя, чистыя сакли, совершенно отличныя постройкою отъ горскихъ хижинъ и болѣе похожія на мазанки, какія мы встрѣчаемъ въ военныхъ поселеніяхъ Херсоніи, тянулись прямою линіею по обѣимъ сторонамъ подъема, на ребрахъ скалъ. Два еврея сбѣжали къ намъ. Передавъ имъ оружіе и коней, горцы отправились вверху за своими вожатыми. Чѣмъ далѣе подымались мы, тѣмъ болѣе замѣчалась чистота и опрятность, которою пользовалось селеніе караимовъ. Прекрасно изсѣченная въ скалахъ тропинка представляла все удобство для прогона въ балку стада и для проѣзда арба. Передовой еврей ввелъ насъ на дворъ крайней мазанки, принадлежавшей старшинѣ. Дворъ здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ мазанкахъ, которые мнѣ удалось видѣть во второй пріѣздъ, былъ крытый виноградникомъ. Направо выдвигались конюшни и хлевы для овецъ, прямо нѣсколько ступень вели въ покои хозяина.

Каждый предметъ, встрѣчаемый здѣсь въ еврейской саклѣ, даетъ замѣтить удивительный порядокъ и чистоту. Глядя на бытъ здѣшнихъ караимовъ, невольно переносишься въ какую-то баснословную утопію: чистота, аккуратность, скромность хозяина, уваженіе къ нему цѣлой семьи — всё это поражаетъ съ перваго взгляда пришельца. Князь занялся съ хозяиномъ заказомъ, а семья его мною. Удовлетворяя ихъ распросамъ о Россіи, я не упускалъ случая узнать, повозможности, что — нибудь и о ихъ житѣ.

Наружность караимовъ Согдена почти ничемъ не отличается отъ наружности абхазскихъ горцевъ: та же стройность, орлиный взглядъ, суровая желтизна лица, острый абрисъ всей фізіономіи, манера выражаться скоро, съ быстрою подвижностію и жестикуляціею ... Обычаи ихъ жизни почти одинаковы ... За то женщины караимовъ Согдена превосходятъ во всемъ женщинъ Абхазіи. Не смотря на совершенную красоту послѣднихъ, всякій бы джигитъ Абхазіи, отдавая за свою будущую цѣнный калымъ, прибавилъ бы къ нему съ охотою и голову — если бы пришлось платить за еврейку — такъ хороши они! Прибавьте къ этому удивительную свободу въ обращеніи, отсутствіе

ревнивой чадры, опрятность въ одеждѣ и удивительное умѣнье правиться, при чемъ нисколько не теряетъ чистота нравовъ и скромность женщины.

Евреи Согдена всѣ вообще говорятъ языкомъ Абхазовъ, не зная никакого другаго. Книгъ не имѣютъ, а между тѣмъ обряды и обычаи ихъ, болѣею частію, основаны на изустныхъ текстахъ и поддержкахъ изъ книгъ Моисея.

Исповѣданіе ихъ представляетъ страшную смѣсь іудейства съ язычествомъ, послѣднее особенно замѣчается въ сильномъ суевѣріи, которымъ ознаменовывается каждый шагъ согденскаго караима. Точно такъ какъ и Абазехи — они имѣютъ заповѣдныя дубовыя роши, чтутъ праздники Мезитхи и Тлепса.

Они не имѣютъ синагоги и отправляютъ богослуженіе чрезъ старшаго въ семьѣ, въ своей саклѣ. Старики — здѣсь патріархъ семейства, а нерѣдко и цѣлаго аула, его опытности довѣряется рѣшеніе споровъ и тяжбъ и приговоръ его — законъ. Суббота, какъ и у всѣхъ евреевъ, для нихъ особенный праздникъ, который впрочемъ не сопровождается удовольствіями рѣзкими и буйными, какъ вообще праздники горцевъ, у которыхъ пиръ не въ пиръ безъ джигитовки и драки ...

Между всѣми праздниками согденской общины особенно отличается праздникъ *«Памяти Кадзи»*. Я не былъ его свидѣтелемъ, но разсказываю о немъ со словъ Юзефа, княжескаго пастуха, у котораго я имѣлъ скромность находиться помощникомъ.

Бывшій мой временный начальникъ, Юзефъ, по крайней глупости своей, не могъ опредѣлить времени, когда совершается этотъ праздникъ, что, однако же, весьма важно, ибо праздникъ этотъ совершается въ воспоминаніе общаго переселенія, то есть въ память дня прибытія къ общинѣ Кадзи ... Вотъ что и какъ разсказывалъ Юзефъ.

Видишь ли, недокормленный гяуръ, говорилъ онъ: — съ вечера, наканунѣ праздника, евреи выносятъ изъ саклей всю свою рухлядь — и ночь проводятъ на скалахъ ... Понимаешь ли ты, пустая голова, продолжалъ онъ, что это означаетъ ихъ безпріютную долю, которую они терпѣли прежде?

— Понимаю, инташи (душечка) Юзефъ, отвѣчалъ я ...

— Врешь ты, недокормленный гяуръ; ничего ты не понимаешь, продолжалъ горецъ — и не зови ты меня инташи ... нехочу я быть душою въ твоёмъ собачьемъ тѣлѣ ... Ну, вотъ, какъ въ сырую и холодную ночь — насчѣлкаются евреи досыта обѣими челюстями, то съ первыми лучами солнца поднимаютъ такой гвалдъ, что — безъ лжи, честнымъ языкомъ вымолвить можно — въ Бугуръ-Калѣ, почитай, ихъ слышно ... За тѣмъ всѣ хорошенькія дѣвушки — еврейки ... А, постой-ко гяуръ ... Ну-ко, скажи — кого вы у себя ... тамъ, въ вашихъ горахъ называете дѣвушками?..

— Да кого и вы — въ своихъ, мой храбрый Юзефъ ...

— Да нѣтъ, недокормленный гяуръ, кого?.. А!.. что?.. грязн набѣлся?.. Ихъ у васъ нѣтъ!.. Ну, а вѣдь ты видѣлъ — каковы согденскія дѣвчонки?..

— Видѣлъ, ипташи — Юзефъ, видѣлъ...

— Вотъ, ужъ за одинъ бы волосокъ изъ рѣсницы можно отдать цѣлую атару овецъ!..

— Можно, ипташи — Юзефъ, можно!..

— Какъ! княжескую — то атару! вскричалъ Юзефъ, готовый взяться за арапникъ. Смотри, скажу князю, дальше ямы спрячетъ...

Послѣ долгихъ просьбъ и извиненій съ моей стороны, коварный горецъ, какъ притворно разсердился, также притворно и успокоился и потомъ продолжалъ:

Ну, вотъ — говорилъ онъ — всѣ эти хорошенькія дѣвчонки, которыя только одинъ ночуютъ въ сакляхъ, выбѣгаютъ на порогъ и кричать: Кадзи ѣдетъ! Кадзи ѣдетъ... Тогда толпа евреевъ бросается внизъ со скалъ и встрѣчаетъ перваго своего старшину, который на лихомъ конѣ подымается по тропинкѣ. — Съ почетомъ встрѣтивъ его, старики уводятъ старшину въ общую саклю, на этотъ разъ нарочно смазанную — и начинаютъ... пиръ!.. Только... Пхе... Пиръ, какого не встрѣтишь въ горахъ!.. Къ вечеру расходятся всѣ цѣлехоньки, хотъ бы у кого одна царанина!.. За то молодцамъ потѣха! Красавицы остаются по прежнему на порогахъ саклей и каждый изъ молодыхъ, которому до того приглянулась красавица, несетъ ей калымъ, а на утро и женится... Понимаешь недокормленный гуръ — за чѣмъ молодые въ этотъ день разгораживаютъ саклю? *)...

— Пѣтъ, ипташи Юзефъ, отвѣчалъ я смиренно.

— Просто ты вытнудый бурдюкъ — гуръ; подъ твоимъ черепомъ хотъ фазанъ гнѣздо своей: мѣсто будетъ... ничего ни смѣнешъ, недокормленный! продолжалъ Юзефъ, гордый и дерзкій, какъ всякій горецъ, съ тѣмъ, кто не можетъ ни поколотить его, ни возражать ему... За тѣмъ, сказалъ онъ, — чтобы разводить общину... чтобы... понимаешь ты... сказать проще, за тѣмъ, чтобы наполнить этимъ заселеніе согденскихъ скалъ!..

Въ разсказѣ Юзефа было нѣсколько истины... Правда, что въ день *памяти Кадзи* согденскіе юноши имѣютъ право избирать себѣ въ жены дѣвушку по сердцу, но онъ забылъ добавить, что это избраніе должно быть заранѣе обусловлено и подготовлено, и что это право весьма ограничено: имъ только пользуются влюбленные, къ соединенію которыхъ препятствуетъ неравность состояній или несогласіе родителей... День *памяти Кадзи* разрушаетъ эти препятствія и еврей, успѣвшій при встрѣчѣ съ старшиною назвать имя своей возлюбленной, дѣлается ея мужемъ, если она сама не отрекается отъ него. Что же касается до женидбъ, въ которыхъ преобладаетъ расчетъ или желаніе родныхъ, то онѣ должны быть порѣшены прежде. Странно, казалось бы, въ этомъ незамѣтномъ уголкѣ міра, гдѣ жизнь выкроена по особенной мѣркѣ, гдѣ обычаи сохранили свою простоту, первобытность

*) Богатые и зажиточные Абазехи передъ женидбой строятъ новую саклю, а бѣдные разгораживаютъ ее только.

и патриархальность—странно встрѣтить лицо, созданное для житейской промышленности горожанъ, для ихъ семейнаго столкновѣнія... встрѣтить — *сваху*! А между тѣмъ они здѣсь есть.

Агачь-чичи (все знаю) — такъ называются эти почтенныя старушки Согдена, непременно старушки, и чѣмъ дряхлѣе она, чѣмъ отвратительнѣе и безобразнѣе ея наружность, тѣмъ болѣе у нее практики и тѣмъ болѣе къ ней довѣрія. Агачь-чичи лицо весьма замѣчательное для наблюдателя и чрезвычайно важное въ аулѣ согденскихъ каранимовъ. Безъ нея не совершаются ни родины, ни свадьба, ни похороны, ни общее предпріятіе цѣлаго аула... Въ первомъ случаѣ они бабка, во второмъ сваха, въ третьемъ плакальщица, въ четвертомъ сивилла. Обыкновенно Агачь-чичи, которыхъ рѣдко въ аулѣ встрѣчается болѣе трехъ, живутъ за селеніемъ, гдѣ-нибудь въ оврагѣ, въ труппѣ, подъ навѣсомъ скалы, на окраинѣ бездны, рядомъ съ гнѣздомъ орла или коршуна... Мѣсто ея обиталища вообще считается нечистымъ и суевѣрный еврей, въ сумерки или ночью, обойдетъ его за тысячу шаговъ, рѣшаясь встать на порогъ старухи только въ крайней необходимости. Самая мрачность, окружающая саклю Агачь-чичи, страшная тропинка ведущая къ ней, вѣчная грязь и копотъ на мазанкѣ съ уродливыми изображеніями на стѣнахъ ремесла хозяйки — все это само собою располагаетъ суевѣрнаго согденца къ невольному страху и невольному почтенію къ такимъ старухамъ. На случай родинъ согденцы лишены всякихъ религіозныхъ обрядовъ, они даже отвергаютъ обрѣзаніе, слѣдуя правиламъ горныхъ Абазеховъ, что вообще совершенно предастъ ихъ въ руки этихъ почтенныхъ старушекъ, которыя крайне любятъ окружать всякое свое дѣйствіе и каждый шагъ своей таинственностію и условіями, для самихъ себя не совѣмъ безвыгодными, а бѣдныя согденцы въ простотѣ души своей называютъ это зерномъ премудрости!.. Мужъ, посѣщающій къ Агачь-чичи съ требованіемъ ея помощи, на случай родинъ жены, долженъ непременно запастись желтымъ сафьяномъ — на пару чириковъ. *) Входя въ саклю старухи, онъ молча кладетъ на очагъ ея свой подарокъ и говоритъ: «Если жена родитъ мнѣ сына, то я желаю, чтобы сынъ мой былъ хорошимъ сапожникомъ!» — Въ ту же минуту старуха беретъ его за руку и оставивъ его на порогѣ своей сакли, посѣщаетъ къ родильницѣ. Если новорожденный — сынъ, то Агачь-чичи, послѣ непонятныхъ и ни для кого невѣдомыхъ нашептываній надъ младенцемъ, уноситъ его въ первую саклю, хозяйинъ которой по ремеслу принадлежитъ къ сапожникамъ... Отцу стоитъ только назвать ремесло — и у сосѣда нежданно—негаданно явится малютка, котораго онъ до десятилѣтняго возраста обязанъ воспитывать и выучить своему знанію. Таковъ обычай, который ни для кого здѣсь не въ тягость: круговая порука миритъ съ нимъ cadaquo.

Темная, ненастная и бурная ночь, вообще, выгодна для Агачь-

*) Сапоги или башманы.

чичи; старуха рѣдко коротаетъ такую ночь одна, тревожно прислушиваясь къ грустному и печальному завыванію вѣтра и шакаловъ, или къ пронзительному вскрику карагута, испуганнаго шумомъ сброшенной вѣтромъ лавины, которая, дробясь, со стономъ катится въ пропасть и на пути обледѣнными осколками осыпаетъ саклю старухи. Весело въ такую ночь ей: она вѣрно дождется посѣтителя ... Какойнибудь молодецъ, которому наскучило одиночество, идетъ къ ней съ поклономъ и просьбою высватать пригожую сосѣдку ... (*) Днемъ или въ ясную ночь — нельзя: увидятъ пріятели, подымутъ на зубки, а грѣхомъ и страстишку провѣдаютъ; пропали тогда и сосѣдъ и сосѣдка ... Ночь темна — хоть глазъ выколи, только вѣтеръ перекликается въ горной трещинѣ, только крупный дождь, крутясь подъ этимъ вѣтромъ, дробно бьетъ въ горный камень ... и вотъ, молодой караимъ, завернувшись въ черную бурку, какъ воръ крадется мимо знакомыхъ пороговъ; бойко и смѣло перепрыгнувъ онъ оврагъ, другой, и съ замирающимъ отъ страха сердцемъ поднялся въ гору, — на пустырь ... Далеко за нимъ сверкають огоньки въ сакляхъ, а впереди ни деревца, ни тычинки ... Сто разъ задумается молодецъ: идти ли?.. Ну, что, если у старухи шайтаны играютъ въ *трефового джигита*. **) Оглянется на сакли, а сакля милой какъ тутъ съ краю ... и бѣгомъ, бѣгомъ чрезъ крутизны и овраги ... дрожащею рукою стукнетъ въ окно грязной мазанки и стоять, вымирая отъ страху душой и сердцемъ ...

— Уймешься ли, вѣтеръ, отвѣчаетъ хитрая старуха: — что рвешься, въ окно, да рвешь дверь съ петлей; вышлю шайтана, ухватить онъ тебя въ пазуху, да забьетъ въ какую-нибудь трещину Согдена, не увидишь ни травы, ни воды!

— Не надо шайтана, Агачъ — чичи; наступи ты ему на хвостъ, погрози на него пальцемъ!.. Это не вѣтеръ ... Это я! отвѣчаетъ прищелецъ, щелкая съ перепугу объями челюстями.

— Такъ кто же? продолжаетъ старуха. Ты, что ли, оборотень — шакалъ, что каждую ночь ко мнѣ вѣсти изъ аула носишь ... Ну, говори, что тамъ злые языки про меня рассказываютъ?.. Я ихъ!

— Ну, бѣда! — думаетъ, еще болѣе струсившій гость, — бѣда, какъ мы съ нимъ въ одно время здѣсь сойдемся!.. Нѣтъ, Агачъ-Чичи — это я ... вступи пожалуйста ... давно собирался занести ахабку шерсти, да вотъ сегодня только улучилъ время ...

И старуха, шаркая грязными чириками, подходитъ къ дверямъ, чтобы впустить посѣтителя.

— Ба! ... Ба! ... Вассуръ! ... И забыла, совѣмъ забыла ... еще утромъ знала, что ты придешь ко мнѣ ... Что это ... шерсть?

*) У согденцевъ родители дѣвушки и сама она не засылають свахъ — это считается большимъ стыдомъ и виѣ обычая.

**) Карточная игра, употребляемая между Абхазскими горцами, о которой было много сказано подробно въ «Достоверныхъ разсказахъ объ Абазіи». Пантеонъ 1850 года. томъ VI, № 11.

— Шерсть, Агачь-Чичи, не погнушайся...

— Не погнушайся... пхе!... А какъ отецъ завтра спросить у тебя, куда она дѣвалась?.. А?.. Вассурь!...

— Проклятая! думаетъ Вассурь: — вѣдь узнала, что шерсть-то краденая. Ничего, Агачь-Чичи... не узнаетъ... право не узнаетъ...

— Ну спасибо, спасибо Вассурочка... добрый ты... право... недаромъ тебя такъ крѣпко любить... та... какъ её — черноглазенькая-то...

— Ассынь!!

— Да... да!... Пхе!... еще бы не заглядѣться на такого...

— Такъ она меня любить, Агачь-Чичи?..

— А то какже?.. Вотъ, я вчера говорю съ нею, а сама и думаю: дай ка загляну, по комъ это у тебя сердце-то сохнетъ моя аидачка... *) стала вглядываться, пошентала... глядь, а въ глазахъ — то у нее ты... ну, вотъ, какъ есть ты!...

— Все знаетъ, старая шакалка! думаетъ Вассурь, задыхаясь отъ удовольствія... Пожалуй, слышала, какъ я и обругалъ ее про себя... У меня, тамъ, для тебя, душечка Агачь-Чичи, продолжаетъ онъ, — припасена еще цѣлая арба кукурузы, да кусокъ канаусу, что привезли отцу горцы изъ Эндери...

— Ахъ, ты жертвочка моя... ну, такъ... вчера, какъ загля хворостъ на очагъ, да пошентала... смотрю — всё вылетаетъ дымъ канаусомъ... отъ кого? думаю... а — это ты!... Ужъ спрячу я твое сердце въ сердце Ассыни, ужъ вратеть же онъ въ него...

— Ахъ, Агачь-Чичи, ужъ какихъ бы я парочку барашковъ пригналъ къ тебѣ, въ темную ночь...

— Гони, гони Вассурь... совою я изъ ихъ шерсти тесемку и свяжу ею тебя съ Ассыню, да съ отцомъ и матерью ея...

— Затѣмъ-то я и пришелъ къ тебѣ... Помоги!.. Вотъ курушки (сорокъ) абазовъ...

— Спасибо... По серебрянной дорожкѣ, какъ на лучѣ мѣсяца — упаду завтра въ саклю Ассыни... Вскипачу я ей кровь... залѣплю, запорошу глаза отцу и матери пестрымъ калымомъ... На-ко, Вассурочка, — вотъ карагатъ (кувшинъ) съ водой... окуни въ него кинжалъ твой, да прикинь туда абазекъ... Дамъ я этой Ассыни хлѣбнуть глоточекъ съ серебра и стали... заплатитъ она намъ за одинъ глотокъ сотнями подѣлуевъ. —

И еще абазъ, и еще вдохъ, да двадцать поясныхъ поклоновъ... И бѣгомъ домой Вассурь... Старуха уладить дѣло.

На другой день чуть свѣтъ, а Агачь-Чичи, какъ-будто не нарочно, шастъ — неожиданная въ саклю Ассыни, и разсыпится мелкимъ бисеромъ, расскажетъ съ-три-короба новостей хозяйну...

— Вотъ, говоритъ она, посмотрѣла я вчера въ карагатъ... всѣхъ дѣвушекъ нашихъ видѣла!... и Ассынь, мою аидочку...

*) аида, горная роза.

— Ну, а что Ассынь? спрашиваютъ любопытные отецъ и мать.

— Да что ... быть у васъ въ дому хорошей новости ... видѣла я въ карагатѣ — и новую саклю въ нашемъ аулѣ. У всѣхъ дѣвушекъ шкурка плотно обвила грудь, а у Ассыни пошла сборкою: *) знать скоро разрѣжетъ ее кинжалъ молодца ... Да, приглянулась Ассынь молодцу ... Ужъ скажу вамъ шепоткомъ и имя его ... Хоть куда мужъ, а работникъ какой! ... Что молоткомъ стукнетъ — то въ карманѣ лишній абазъ звякнетъ ...

— Кто же, кто это, душечка Агачъ-Чичи?

— Пхе! ... не отрекайтесь только ... и калымъ у него припасенъ, да и Ассынь его, не выдавши, во снѣ полюбила, исчахнеть ... а счастье, да радость сами въ руку напрашиваются. Вассуръ — не какой-нибудь бродяжный джигитъ Абазехъ, да и отецъ-то его, вотъ какъ ни встрѣтится — всё думается старшина идетъ ... Ужъ быть ему старшиною! ..

— Вассуръ! думаютъ старики ... Ну, что дѣлать, ужъ если Агачъ-Чичи въ карагатѣ видѣла судьбу нашей Ассыни, да и она-то его, вишь ты, не выдавши, во снѣ полюбила ... Подождемъ калыма ... Видно ужъ мы всегда честно блюди завѣты Калзи, что счастье само къ намъ напрашивается ...

А на другой день какъ тутъ арбы три съ калымомъ, стоятъ оглоблями вверхъ, у порога Ассыниной сакли ...

Это служить знакомъ предложенія, и если старики на него согласны, то, по роду ремесла и занятій суженаго, они закупаютъ полный заводъ инструментовъ, которые и отсылаютъ съ дочерью къ счастливому Вассуру.

Когда совершенно размѣнъ установленнаго калыма, обѣ стороны родственниковъ договариваются о назначеніи дня свадьбы, а между тѣмъ женихъ сзываетъ одноаульцевъ и смазываетъ при ихъ помощи брачную саклю.

Обрядъ соединенія бракомъ у согденскихъ караимовъ очень простъ. Молодая чета, рано утромъ, въ сопровожденіи близкихъ и родственниковъ, отправляется въ саклю главнаго старшины — *тиашина*. Предупрежденный заранѣе о прибытіи поѣзда, онъ встрѣчаетъ молодыхъ въ переднемъ отдѣленіи сакли, въ то время, какъ прочія лица остаются у воротъ мазанки. Потомъ, надѣвъ на себя бѣлую мантию — единственное его отличіе отъ прочихъ караимовъ, спрашиваетъ имена вошедшихъ и читаетъ имъ молитву, положивъ руки на головы молодыхъ. За тѣмъ разламываетъ *азыль* (медовая лепешка) на двѣ неровныя части, отдавая большую жениху, а меньшую невѣстѣ ... Этимъ и заключается весь религіозный обрядъ, къ которому иногда умный старшина прибавляетъ назидательную рѣчь.

Этотъ счастливый день для новобрачныхъ проводится весело. Въ ихъ радости участвуетъ весь аулъ. Дѣвушки подъ звуки зурны пля-

*) Какъ и нѣкоторые горскіе племена, Согденцы тоже зашивають грудь и талию дѣвушекъ въ баранью шкуру, которая остается на дѣвушкѣ до перваго дня брака.

шуть рѣзвую лезгинку или болгачь, а старики и юноши, расположившись на узорчатыхъ коврахъ, пьютъ виноградное, высчитываютъ свои барыши и слушаютъ однотонную, заунывную пѣсню горскаго импровизатора, который на этотъ разъ нарочно приглашается изъ ближняго абхазскаго аула. Между согденскими евреями такихъ артистовъ—дармоѣдовъ неводится...

Доля еврейскихъ женъ вообще лучше и счастливѣе участи абазинокъ. Они пользуются полною любовью и уваженіемъ мужа и, раздѣлая его труды, не несутъ тѣхъ тяжелыхъ работъ, какія безусловно выполняютъ горянки, въ то время, какъ лѣнивый джигитъ спитъ безъ просыпу послѣ какого-нибудь поиска въ скалахъ, откуда весьма часто возвращается съ пустыми руками и большими ребрами.

Разводъ между согденскими евреями, какъ и у крымскихъ караймовъ, допускается только въ случаѣ уличенія жены въ невѣрности, чему почти не бывало примѣра. Надо отдать справедливость чистотѣ ихъ нравовъ; даже мужчины здѣсь самою высокою добродѣтелью ставятъ цѣломудріе, что, разумѣется, есть вѣрное слѣдствіе общаго здоровья, мирной жизни и согласія...

Обоюдныя ссоры, споры, особенно драки или преступленія уголовныя между ними весьма рѣдки, а если и случаются, то мудрый тшатшна рѣшаетъ дѣло въ одну минуту.

Во второй прїѣздъ нашъ на Согденъ я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ одного приговора послѣ рѣшенія спора.

Двое молодыхъ евреевъ, Кашъ и Аханъ, охотились въ скалахъ и подстрѣлили оленя. При осмотрѣ убитаго оленя оказалось, что въ немъ только одна пуля... Между друзьями начался споръ за право владѣнія добычей. Кашъ увѣрялъ, что пуля, попавшая въ оленя, принадлежитъ ему, Аханъ доказывалъ противное. Первый изъ охотниковъ былъ посылнѣе — онъ отбилъ отъ пріятеля, взваливъ добычу на плечи и, донеся ее до своего осла, перекинулъ чрезъ хребетъ животнаго, глубокомысленно щипавшаго тощую травку. Аханъ не хотѣлъ подарить добычи своей одноульцу, бросился отнимать ее и между друзьями началась потасовка... Въ эту минуту, встревоженный воплями и завываньемъ ратоборцевъ, оселъ вздрогнулъ и весьма невѣжливо лягнулъ Аханъ...

Вслѣдствіе этой ослиной шутки у Аханъ выпрыгнулъ зубъ и треснула губа...

Мы были въ саклѣ тшатшна, когда еврей, взволнованный и облитый кровью, вбѣжалъ въ мазанку старшины...

— Что ты Аханъ? вскричалъ старшина... Кто захотѣлъ твоей крови?

— Оселъ... могущественный и мудрый тшатшна... отвѣчалъ еврей, едва переводя духъ отъ усталости и досады...

— Какъ... оселъ?... Зачѣмъ же ты связался съ осломъ?...

— Вотъ ужъ именно, мудрый тшатшна, ненадо бы было мнѣ съ нимъ связываться... Выслушай и скажи, кому изъ насъ ѣсть оленя.

— Что такое?... Развѣ согденскіе ослы ѣдятъ оленину!?

— Выслушай, мудрый тшатшна, и суди насъ... Я и кузнецъ

Кашь сегодня утромъ вышли на охоту въ скалы... Уговоръ былъ: дичь и звѣря выгонять на прицѣлъ вмѣстѣ, а брать ее тому, кто поранитъ или убьетъ... вотъ и выгнали мы оленя... оба прицѣлились — выстрѣлили... олень упалъ... пуля оказалась въ немъ одна... И пуля это моя! пусть меня старая Агачь-Чичи превратитъ въ сѣдаго шакала, если я лгу!... Что-жъ бы ты думалъ, мудрый тшатшна?... Безсовѣстный Кашь вырвалъ у меня добычу и взвалилъ ее на осла... я сталъ отнимать ее... Оселъ вступился за своего хозяина и лягнулъ меня въ зубы... На!... смотри... — и Аханъ открылъ ротъ... видишь... одного нѣтъ, сказалъ онъ...

Тшатшна внимательно выслушалъ жалобу; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по саклѣ и, обращаясь къ просителю, сказалъ:

— Позови ко мнѣ Кашь; да чтобъ оселъ и олень были здѣсь.

Черезъ нѣсколько минутъ на судъ явились Аханъ, встревоженный Кашь, убитый олень и безстрастный, совершенно хладнокровный оселъ.

— Кашь, сказалъ старшина, по какому праву ты отнял оленя у товарища?

— Олень мой, мудрый Тшатшна, — я подстрѣлилъ его...

— Нѣтъ, я! вскричалъ запальчиво Аханъ...

— Молчи! отвѣчалъ Кашь, — тебѣ ли стрѣлять по оленю, когда ты даешь промахъ дробью по цѣлой вереницѣ фазановъ... у тебя вѣдь и винтовка заговорена... я знаю...

— Тс!... Отвѣчайте на вопросы и не спорьте, кротко и съ упрекомъ сказалъ старшина. — Кашь, продолжалъ онъ, во чтѣ ты мѣтилъ, когда завидѣлъ оленя?

— Въ лобъ, на одну мысль ниже рога.

— А ты, Аханъ?

— Тоже, мудрый Тшатшна

По осмотру оленя оказалось, что пуля одна и на показанномъ мѣстѣ.

— Хорошо... продолжалъ старшина послѣ недолгаго раздумья. — Ну, а скажи, Аханъ, чтѣ ты думалъ, когда мѣтилъ?

— Я говорилъ тогда себѣ, мудрый Тшатшна, — что если уложу этого быстроногаго, то навялю изъ него пропасть мяса и половину подарю отцу.

— Добрый ты сынъ, Аханъ; ну, а ты, Кашь?

— Я думалъ, мудрый старшина, какъ бы попасть вѣрно въ звѣря...

— Хорошій ты охотникъ, Кашь... Ну, вотъ мое рѣшеніе... Аханъ, который, не убивши оленя, ужъ вялилъ его мясо, не могъ попасть въ звѣря и промахнулся... Это вѣрно, братья мои... За тоже, что оселъ Каша лягаетъ друзей своего хозяина, Кашь удѣлитъ половину оленины Аханъ и виноватый оселъ свезетъ на себѣ эту половину въ саклю обиженнаго...

Евреи, повидимому, остались весьма довольны такимъ рѣшеніемъ и, поцѣловавъ полу черкески у мудраго Тшатшны, оставили саклю. Судите сами о согденскомъ правосудіи, гдѣ старшина судитъ даже и виноватыхъ ословъ,

Согденскіе евреи не имѣютъ у себя уставныхъ законовъ и всѣ ихъ

законы вмѣщаются въ мудромъ изрѣченіи, знакомомъ всякому здраво-мыслящему: «*Не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь!*»

Два главные и важные порока, въ которыхъ можно упрекнуть согденскихъ евреевъ, это суевѣріе, въ высшей степени нелѣпное во всѣхъ отношеніяхъ, и сребролюбіе, при постоянномъ стремленіи обобрать и обмануть, по возможности, довѣрчиваго абазеха, съ которыми у нихъ постоянныя торговыя сношенія...

Стоить только тряхнуть черкеску согденскаго еврея и изъ нее, кромѣ горсти абазовъ, вѣрно выпрыгнетъ полсотни талисмановъ въ видѣ различныхъ корешковъ, гвоздиковъ, сушеныхъ грибовъ, двойныхъ орѣховъ, которыми ограждаетъ себя суевѣръ отъ дурнаго глаза, бѣшенаго волка, лихорадки, пожара... Словомъ, по мнѣнію еврея, надо только запасться полнымъ экземпляромъ всѣхъ этихъ сокровищъ, а ужъ бѣда да напасть останутся на зубокъ шайтану. Весьма замѣчательно, что здѣшніе караймы заражены вѣрою въ вампиризмъ, о чемъ всѣ горы Кавказа не имѣютъ никакого понятія. И по мнѣнію ихъ, стоитъ только нажить ненависть Агачь-Чичи, чтобы по смерти высосать всю кровь своихъ родственниковъ. Согденскіе караймы большіе охотники до странныхъ фантастическихъ разсказовъ, въ которыхъ главную роль всегда занимаютъ тѣни усоншихъ, кровожадные вампиры, горные духи, словомъ вся почтенная труппа полночныхъ героевъ, у которыхъ режиссеромъ непременно сова, лицо равносильное нашему пѣтуху: по ея первому вечернему вскрику вся эта ватага оставляетъ гробы, и бродитъ въ скалахъ, отыскивая запоздалаго путника-горемыку. Но вскрикнетъ сова подъ исходъ ночи, предъ разсвѣтомъ, и злокачественныя бродяги мрака послушно разбѣгаются по своимъ квартирамъ до новаго сходбища. Суевѣріе—болѣзнь заразительная и прилипчивая. И окрестныя горы, часто имѣющія сношенія съ согденскими евреями, при всемъ своемъ равнодушіи къ мертвецамъ, привидѣніямъ и неспокойнымъ шайтанамъ, мало-по-малу заражаются суевѣріемъ своихъ сосѣдей и съ каждымъ днемъ свыкаются съ замысловатою таинственностію явленій, наважденій и чаръ, стараясь, по возможности, населять и свои горы порожденіемъ суевѣрнаго воображенія... Для примѣра я разскажу здѣсь вкратцѣ обстоятельство, когда-то мною разсказанное подробно.

Въ первый мѣсяцъ моего плѣна, аулъ *Дазари* находился въ страшной враждѣ съ сосѣднимъ ауломъ *Джарій*. Изъ-за чего началась эта вражда, о томъ умалчиваетъ горская хроника, — только ея послѣдствія были ужасны, и каждый день въ томъ или другомъ аулѣ джигиты недосчитывались одного или двухъ наѣздниковъ. Между тѣмъ, до начала этой вражды, старшины-этихъ ауловъ, князь Астанъ-Гари и Убехъ-Джарійскій были задушевными кунаками, и чтобы еще болѣе связать дружбу, они помолвили дѣтей своихъ. Первый—дочь красавицу Рити; второй—сына, молодца и славнаго наѣздника Ихтали!.. Молодые люди крѣпко любили другъ друга и уже были близки къ счастливому соединенію, какъ вдругъ вспыхнула эта вражда... Рити сходила съ ума... Ихтали бѣсился и грустилъ; сначала, чтобы размыкать тоску, онъ порывался въ наѣздъ на русское укрѣпленіе. Отецъ отказалъ и снялъ съ молодца

чирики, отобравъ вооруженіе ... Арестованный Ихтали придумалъ другую забаву: по горскому обычаю, весьма почтенному въ глазахъ всѣхъ храбрыхъ джигитовъ, онъ рѣшился украсть красавицу. Отецъ одобрилъ этотъ смѣлый планъ, соглашаясь на предпріятіе тѣмъ болѣе, что находилъ въ немъ средство сдѣлать кровную и страшную обиду гордому Астанъ-Гари...

Однажды ночью, я, закабаленный въ мою грязную яму, по обыкновенію, мечталъ о прошедшемъ, грустно созерцая будущее, въ то время, какъ на груди моей покоился косматый шайтанъ, единственный товарищъ моего одиночества — огромная горская сабака, которая имѣла благодѣтельную привычку согрѣвать мое продрогнувшее тѣло въ сырыхъ и холодныхъ ночи. Вдругъ чей-то кашель, казалось, насильно вырванный изъ груди и затаенный при самомъ исходѣ, заставилъ меня очнуться и покинуть на время обычную думу ... Шайтанъ также вздрогнулъ и поднялъ уши ... Въ ту-же минуту у сакли моего владѣльца мелькнули двѣ человѣческія фигуры ... Онѣ быстро и сгорбясь, какъ-бы не желая быть замѣченными, крались къ моей ямѣ ... Въ нихъ я скоро узналъ моего владѣльца, Астанъ-Гари, и его лихаго нукера, Байру ... Осмотрѣвшись кругомъ, князь сдѣлалъ Байрѣ знакъ, и съ нимъ вмѣстѣ спустился ко мнѣ въ яму. Но ихъ изготовленному и полному вооруженію я заключилъ, что они ждутъ гостей, которымъ подарятъ неласковую встрѣчу.

Тогда я еще дурно понималъ языкъ Абазеховъ, но изъ отрывистаго и краткаго разговора моихъ гостей могъ кое-какъ понять въ чемъ дѣло.

— Не ошибся ли ты, Байра? спросилъ князь послѣ минутнаго молчанія.

Пхе! ошибся. Можно ли ошибаться слугѣ, если у него во лбу пара глазъ, а за висками два уха?.. Я съ перваго взгляда узналъ разбойника Тахалымъ-Ура.

— Гм ... что же ... раскажи, раскажи, Байра...

— Я рассказывалъ тебѣ утромъ.

— Расскажи вечеромъ ... говори цѣлую ночь, если я хочу того!

— Говорю ... слушай. Еще не показывалось за Согдею солнце, какъ я вышелъ изъ сакли и легъ въ оврагѣ на траву ... лежу ... хотѣлъ вздремнуть ... не спится ... а тамъ-и-самъ такъ и распѣваютъ птички ... славно они пѣли, князь!..

— О птичкахъ въ другой разъ, говори про звѣря...

— Говорю... Вотъ лежу часъ, лежу другой ... не спится... погляжу на скалы, а тамъ кто-то словно змѣя въ кольцо свернувшись ползетъ по кремнию ... Э-ге! Такъ и есть!.. За чѣмъ и къ кому этотъ гость?—подумалъ я ... а Тахалымъ-Уры прыгнулъ съ косогора въ балку да и залегъ въ оврагѣ у твоей сакли ... Вотъ и лежимъ оба ... я поглядываю на него, онъ на саклю...

— Что же ты не залѣпилъ ему глаза свинцомъ?..

— А за чѣмъ?.. Надо было выждать, какого меду пришелъ лизнуть пріятель... Вотъ и лежимъ оба, словно у обоихъ головы срезаны..